

ИСТОРИЯ

УДК 930.85

DOI: 10.18324/2224-1833-2022-4-102-108

Неоднозначность культурного строительства на примере Хакасии в 1920-е годы

Л.Ю. Анисимова^{1a}, И.В. Плющ^{2b}, М.Д. Северьянов^{1c}

¹ Сибирский федеральный университет, пр. Свободный 79, Красноярск, Россия

² Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, проспект им. газеты «Красноярский рабочий», 31, Красноярск, Россия

^aseveryanova@mail.ru, ^breft@inbox.ru, ^cseveryanov-vanya@mail.ru

Статья поступила 30.11.2022, принята 10.12.2022

В статье рассматриваются основные процессы культурного развития хакасского народа. Особое внимание уделяется проблеме становления хакасской письменности в 1920-е гг. Анализируются подходы исследователей к процессу культурного строительства. Авторы приходят к выводу, что советская культурная политика ускорила модернизацию традиционной хакасской культуры, где обучение родному языку было инструментом для достижения практических целей. В современных условиях необходимо признать взаимосвязи, существующие между функциональными сферами культуры коренных народов и социальными условиями жизни их носителей. Модернизация образа жизни и трансформация хакасской культуры обусловили смену доминирующей культурной функции.

Ключевые слова: традиционная культура, трансформация, культурная политика, хакасская письменность, функции культуры.

The ambiguity of cultural construction on the example of Khakassia in the 1920s

L.Yu. Anisimova^{1a}, I.V. Plushch^{2b}, M.D. Severyanov^{1c}

¹ Siberian Federal University; 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia

² Siberian State University of Science and Technology named after M.F. Reshetnev; 31, Krasnoyarsky Rabochoy Ave., Krasnoyarsk, Russia

^aseveryanova@mail.ru, ^breft@inbox.ru, ^cseveryanov-vanya@mail.ru

Received 30.11.2022, accepted 10.12.2022

The article discusses the main processes of cultural development of the Khakass people. Special attention is paid to the problem of the formation of Khakass writing in the 1920s. The approaches of researchers to the process of cultural construction are analyzed. The conclusion is made that the Soviet cultural policy accelerated the modernization of the traditional Khakass culture, where teaching the native language was a tool for achieving practical goals. In modern conditions, it is necessary to recognize the interrelationships that exist between the functional spheres of indigenous culture and the social living conditions of their carriers. The modernization of the lifestyle and the transformation of the Khakass culture caused the change of the dominant cultural function.

Keywords: traditional culture, transformation, cultural policy, Khakass writing, cultural functions.

Развитие культуры наименее изучено в переломные исторические периоды, при изменении социальных условий жизнедеятельности культура также меняет свою направленность и характери-

стики. Однако именно эти периоды малодоступны для изучения, как в силу социального давления, так и в силу смены образа жизни сообщества.

Культура имеет множество дефиниций. Рассматривая их во временном аспекте, отмечают в качестве основных характеристик изменчивость, длительность, историчность – это исторически обусловленный динамический комплекс постоянно обновляющихся во всех сферах общественной жизни форм, принципов, способов и результатов активной творческой деятельности людей [1]. Наиболее общее из них формулируют как все материальные и нематериальные объекты, созданные человеком [2]. При этом нам неизвестен период существования человека, в котором отсутствуют элементы культуры. Собственно, уверенно о существовании человека мы говорим именно в контексте культурных объектов – орудий труда и быта, первобытных произведений искусства, ритуалов захоронений. Фактически вне культуры нет человека. На этом основании можно предположить, что культура является необходимым для существования человеческого сообщества (вне сообщества человек нам также неизвестен) элементом среды. Для сохранения целостности этнической культуры и тем самым этнического сообщества важно понимать механизм сохранения культурных объектов и форм.

Культура выполняет множество функций в обществе, одной из основных является преобразование информации в доступную для усвоения, передачи, сохранения форму. На дописьменных этапах развития общества накапливаемая информация используется, во-первых, для увеличения потенциала выживаемости социума. Во-вторых, для идентификации в системе «свой – чужой». Информация закрепляется в культурных формах, встраиваемых в текущую или событийную жизнедеятельность.

К текущим, повседневным формам культуры, принято относить национальные блюда, одежду, жилище, нормы поведения и ограничения, орудия труда и т.д. К событийным можно отнести виды досуга, праздничные и ритуальные действия, которые используются периодически, в определенных маркированных обстоятельствах. Освоение индивидом культурных форм и видов деятельности происходит постепенно, в процессе социализации через присутствие, приобщение, апробацию, воспроизведение.

Передача культурной информации, таким образом, закреплена в повседневном образе жизни группы и воспринимается некритично, сохраняясь при условии стабильного образа жизни. Поскольку длительное время сообщества развивались медленными темпами, проживая небольшими группами, механизм накопления культурной

информации сохранялся тысячелетиями. Даже при резких катаклизмах, утрачивая часть содержания культуры как следствие гибели отдельных индивидов (носителей инновационных элементов) и малых групп, механизм формирования культуры сохраняется. Межпоколенный обмен культурными элементами осуществляется непосредственно в процессе жизнедеятельности через включенность младших в деятельность старших.

Особенности культуры и образа жизни поддерживали адаптированные к конкретным условиям жизнедеятельности этнические сообщества. В рамках каждой конкретной культурной модели обеспечивалась целостность социума, узнаваемость (свой-чужой) и одновременно предоставлялись условия для самоидентификации, самовыражения, творчества. Но развитие происходило очень медленно – как в силу редкости появления новой долгосрочно значимой для всего сообщества информации, так и в силу ограниченности свободных ресурсов в большинстве сообществ. Этнический костюм, например, как исторически сложившийся

комплекс народного костюма хакасов, не имеющий прямых аналогов в одежде других родственных народов [3], сохраняется столетиями, оставаясь узнаваемым, сохраняя уникальность стиля. Такой элемент одежды, как орнаменты, сохраняет особенности изображений – хакаские узоры отличаются архаичностью форм, самобытностью и ярким художественным стилем [4]. В том числе, воспроизводится доминирование растительных орнаментов, разделение по гендерному предназначению (геометричность изображения для мужчин, приближенность к натуралистичности для женщин).

Исследование культуры хакасов началось в первой половине XVIII века экспедициями Российской Академии наук (Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, И.Э. Фишер и др.). Хакасская культура как модель культуры полукочевых в древности скотоводческих этнических сообществ имела разнообразные формы закрепления информации. Часть культурной информации была повсеместно используема в быту. Отличался вид и дизайн одежды: широкие отложные воротники, укороченный спереди подол, широкие рукава с высокими узкими манжетами и т.д.). Интересно украшение одежды орнаментами, информационное наполнение которых утрачено; жилища (многоугольность); особенности питания (преобладание кисломолочных, мясных блюд и напитков); организация пространства жилища (мужская – женская половины и т.д.); распределение обязанностей в семье, игры и виды досуга, устное народное творчество (виды эпоса и его исполнение певцами-импровизаторами), сопровождение

на музыкальных инструментах. Эти особенности культуры отражали адаптацию народа хакасов к конкретным природным условиям и образу жизни, позволяя сохранять единство этнической группы и преемственность поколений.

XX век для всех национальных культур, включенных в социальное и государственное пространство Советского Союза, становится периодом кардинального изменения социокультурной среды. Со времен образования советского государства так называемый «культурный вопрос» пережил несколько трансформаций. Прежде всего, вопрос управления в многонациональном государстве. После революции 1917 г. в первые годы существования Советского государства выдвигались идеи развития управленческих механизмов на основе родных языков, но достаточно быстро идеализированные представления столкнулись с невозможностью реализации этого подхода.

Во-первых, менее 29 % населения России были грамотными, в некоторых регионах уровень неграмотности приближался к 100 %. Только 19 народов на территории России имели свою письменность в 1920-х гг. [5]. Хакасский народ относился к народам, не имеющим письменности. Во-вторых, сложность представляло и значительное количество таких этнических групп, как в целом по стране, так и в регионах – «существует около 40 различных групп коренных народов, признанных Российской Федерацией, которые происходят из Сибирского региона» [6]. Культурная революция означала не создание совершенно иной культуры, а скорее преобразование существующей. Главными задачами советской культурной политики ставились массовое образование и идеологическое воспитание, создание новой культуры – «пролетарской по содержанию и национальной по форме». Культурная революция не осуществлялась путем простого насаждения «сверху» или навязывания новой «коммунистической культуры» населению.

Культура рационализировалась по образцу советской экономической системы. Необходимо отметить два важных аспекта советской экономической системы. Во-первых, централизованное планирование и, во-вторых, роль формальных организаций, которые становились основой и координирующей структурой деятельности. Оба аспекта имели решающее значение для дальнейшего построения советской культурной политики. Модернизация культуры и воспитание советского человека, носителя культуры, представлялись исторической миссией, которая станет основой создания новой цивилизационной общности – советской. Таким образом, «культурный фронт» рассматривался как «третий фронт», наряду с политикой и экономикой, стратегической целью государства [17]. Результаты деятельности в пери-

од строительства новой культурной политики, или даже культурная революция, оцениваются в настоящее время неоднозначно.

Существует точка зрения, согласно которой советская культурная политика является негативным примером «инструментализированной» государственной культурной политики [18]. Безусловно, очень многое в оценке зависит от выбранных критериев рассмотрения результата. Согласно переписи 2010 г., в России существует более 170 официально признанных языков. В 2010 г. только 22,7 % коренных жителей говорили на языке предков. В настоящее время русский является первым и основным языком для 90 % коренных народов. Многие молодые люди из числа коренных народов не говорят ни на одном из языков коренных народов [6, с. 189]. Рассматривать данный факт в качестве результата культурной политики, по мнению ряда исследователей, можно только в негативном ключе [18, с. 90]. Но остается вопрос обоснованности детерминизма данного факта. Действительно ли причинно-следственные связи однозначны для культурной политики 1920-х гг. и снижения уровня владения родным языком у представителей хакасской культуры – это требует комплексного исследования. Однозначно, что в реальном обществе на развитие любых социальных институтов действует множество факторов.

В то же время важно учитывать контекстность социальной ситуации, особенность исторического периода. К ним, безусловно, относятся две характеристики. Первая – изменение социальных условий жизнедеятельности, к которым можно отнести расширение видов жизнедеятельности, социальная мобильность, изменение правовых норм, механизация, более активные связи с другими этническими и социальными группами, создание социального института образования (общего и профессионального, просветительство). Вторая – включение хакасского этноса в глобальный процесс ускорения исторического времени. Существенные изменения в хакасском сообществе в XX веке (и особенно в 1920-х гг.) происходят чаще и в более короткие промежутки времени, чем в предыдущие столетия.

Рассматриваем как результат для исходно неграмотного сообщества создание за десятилетие национальной письменности, разработку учебной литературы (учебники для образования), распространение массовой грамотности и определенного уровня образования, создание новых областей культуры (литература, живопись, скульптура, овладение разными жанрами музыки), систему учреждений культуры (культурная инфраструктура). Не менее важным представляется проделанная в первой половине XX века учеными работа по фиксации, архивации культурных объектов

на начало изменения культурной среды – и всё это исключительно за счет финансового обеспечения государством. Такой результат невозможно признать негативным.

Известно множество исторических примеров народов-жертв культурной ассимиляции, когда этническая группа исчезает в процессе активного взаимодействия с другими этносами, утрачивая язык, все элементы культуры, не сохраняя в исторической памяти мирового сообщества. Хакасской культуре такой риск не грозит.

Определенный кризис, безусловно, имеется, проявляясь в сокращении количества носителей языка, и он нуждается в разрешении, однако полное исчезновение хакасской культуры невозможно именно в результате усилий, предпринятых в период культурной революции. Поэтому с использованием советского периода в качестве негативного примера влияния на хакасскую культуру (как и иную культуру коренных народов) согласиться категорически невозможно. В данном случае наблюдается процесс модернизации культуры, который несет определенные риски и нуждается в коррекции с учетом новых социальных реалий. Аналогичная ситуация наблюдается в культуре любой этнической группы, вовлеченной в технологическое развитие (ирландцы, шотландцы, валлийцы, греки, ...) – ни одна из них не использует национальную одежду в качестве повседневной одежды, национальные блюда в качестве основных блюд питания, национальную музыку в качестве единственного досуга и т.д. Общемировая тенденция развития культуры в освоении иных уровней использования. Эти факты не являются свидетельством утраты этнической культуры. Фактически, многие элементы культуры перешли в другой статус – они не используются на бытовом уровне, но сохраняются на событийном, периодическом – досуговом, ритуальном, в качестве элемента личных праздников, значимых событий в жизни людей и региона.

Ключевым фактом является тот, что многие языки коренных народов, в том числе хакасов, не имели систем письменности, это означало, что для общин коренных народов отсутствовала возможность освоить навыки чтения и письма на родном языке, передача информации могла осуществляться только непосредственно в процессах жизнедеятельности. Появление письменности кардинально меняло ситуацию, позволяя фиксировать культурные элементы и передавать их в символическом виде. Реализовать это оказалось достаточно сложно.

При этом «целей русификации большевики не ставили» [9], ассимиляция или полное культурное поглощение не предполагалось. Существование различных национальностей, языков и культур не только допускалось, но даже поощрялось и субси-

дировалось советским государством. Первоначально было принято решение, что для страны в целом не должно быть официального языка, провозглашалось языковое равноправие. Это означало, что все граждане имели право использовать язык своего наследия во всех аспектах государственного управления, образования и профессии. Однако необходимо было преодолеть безграмотность, прежде чем языки коренных народов смогут быть интегрированы в текущее управление, в систему образования, профессиональную деятельность. Особые условия Хакасии, в т.ч. разбросанность улусов на далекое расстояние друг от друга, немногочисленность населения в улусах, представляли большие трудности в преодолении массовой неграмотности. Грамотность среди мужчин хакасов составляла в 1920 г. – 13,1 % и женщин – 4,6 % [7], в мелких улусах грамотность мужчин составляла 8,9 %, а женщин 1,6 % [8, с. 138]. В мировом историческом пространстве не существовал на тот период опыт реализации государственной политики целенаправленного повышения уровня грамотности и образования на собственном языке для народов, не обладающих письменностью. Такой опыт пришлось создавать без образцов и моделей, впервые в цивилизационном развитии.

До революции 1917 г. предпринимались попытки создать хакасскую письменность, но они не увенчались успехом. В 1921 г. начали проводить подготовительную работу по изданию букварей, книг и газеты на хакасском языке [10, с. 137]. Первый этап становления хакасской письменности исследователи связывают с образованием в 1923 г. Хакасского уезда [10, с. 138]. Приказом Хакасского уездного революционного комитета от 4 сентября 1924 г. при уездном отделе народного образования была утверждена специальная комиссия по созданию хакасской письменности. Комиссия в составе Г.И. Итыгина, К.С. Тодышева, К.К. Самрина и др. разрабатывала первые учебники на национальном языке для 1-2 классов. Они были представлены на утверждение в Государственный Ученый Совет (ГУС) [11, с. 91]. 24 сентября 1924 г. состоялся 2-й объединенный съезд работников просвещения Хакасского уезда, на котором обсуждалась работа комиссии. Съезд принял решение «в основу хакасской письменности взять качинское наречие» [12, с. 46].

В ноябре 1924 г. был создан проект алфавита хакасского языка на основе кириллицы. Алфавит содержал основные 23 буквы, из них 2 буквы из латинского алфавита [10, с. 138]. Обращение к кириллической основе объяснялось необходимостью укрепления общенациональной экономики, так как невозможно организовать процесс управления в многочисленных регионах на языке коренного народа. В 1925 году у хакасов создана письмен-

ность [13, с. 9]. За основу был принят ойратский шрифт. Это алфавит русского букваря, из которого было исключено десять букв, как не отвечающих хакасской фонетике. Хакасский букварь имеет 25 букв [13, с. 10]. В 1926/27 учебном году активно велась подготовительная работа для обучения в школах на родном языке [12, с. 51]. В 1926 г. Восточное издательство в г. Москве выпустило 6 тыс. экз. учебников для национальных школ Хакасии. Это были «Букварь» К.С. Тодышева, «Книга для чтения» А.Т. Казанаква, «Арифметика» К.К. Самрина. С появлением хакасских учебников национальные школы в 1927/28 учебном году стали переходить на родной язык обучения [14]. В 1928 г. изданы хакасские учебники для второго года обучения. Создание письменности хакасов в 1920-е гг. явилось прогрессивным мероприятием национальной политики, придавшим мощный импульс развитию образования, литературы, национальной печати и издательского дела [11, с. 98].

Следующий этап становления хакасской письменности связан с процессом латинизации [15, с. 65]. Следует отметить, что перевод на латинизированный алфавит был централизованным решением и преследовал пропагандистские цели. Советская власть стремилась нейтрализовать тюркский «интернационализм», изолировав тюркские языки в России от всего мусульманского мира. Среди национальностей тюркские народы занимали особое место как по количеству говорящих, так и по их политическому весу. Арабский алфавит не был адаптирован к фонетике тюркских языков и не позволял развивать массовую грамотность, его религиозное происхождение представляло собой прочную основу для панисламизма. Кириллические буквы признавались неприемлемыми, поскольку были связаны с попыткой царского правительства привести хакасов к православию. Латинский алфавит казался одновременно практичным и политически корректным, поскольку он пропагандировал другой вид интернационализма, противостоящий исламскому «интернационализму». В августе 1929 г. хакасская письменность была переведена на латинский шрифт, как более соответствующий особенностям тюркских языков [14]. В 1929 г. тюркские языки не только официально получили латинскую графику, но и были кодифицированы в соответствии с уникальным для всех них алфавитом, так называемым новотюркским алфавитом. С теоретической и технической точки зрения латинский алфавит был идеален. Основным принципом заключался в том, что одна буква должна соответствовать одной фонеме. К недостаткам этого алфавита относят отсутствие букв, необходимых для более точного написания заимствований из русского языка [10, с.

138]. Была предпринята попытка создания унифицированной латинизированной письменности, единой для всех народов страны [16, с. 23]. С одной стороны, переход на латинизированный алфавит способствовал формированию литературного языка. С другой стороны, внедрение латинизированного алфавита имело много практических сложностей и существенно замедляло ликвидацию неграмотности среди хакасов, а именно, потребовало переподготовки учителей, переобучение уже грамотных хакасов, усугубило материальные проблемы. Большинство хакасского народа с трудом осваивало существующий латинизированный алфавит, приходилось изучать грамоту одновременно на двух языках. Использование двух разных алфавитов с одинаковыми буквами, обозначающими разные звуки, добавляло неудобства. Как следствие, наблюдалась настоящая враждебность к латинским буквам. Более того, делопроизводство в абсолютном большинстве коренных хакасских колхозов и сельских Советов велось на русском языке, так как работники не могли привыкнуть к латинизированному алфавиту [10, с. 192].

С 1935 г. началось свертывание обучения на родном языке, был провозглашен приоритет русского языка [16, с. 23]. В 1939 г. хакасский алфавит вновь стал основываться на кириллице. Действие закона о языковом разнообразии было приостановлено, русский язык был введен в качестве основного языка обучения. Хакасский язык преподавался как второй родной. Возврат к кириллизации алфавита хакасов являлся основой конструирования новой общности с новой идентичностью – советского народа [16, с. 10]. Все более отчетливо подчеркивалась необходимость сближения всех языков с русским. Опасность «тюркского интернационализма» отбросили, языки, основанные на латинском алфавите, рассматривались как искусственно изолированные от русского.

Одним из этапов развития национальной письменности было становление и распространение прессы на хакасском языке. Печать выступала не только средством массовой информации и коммуникации между властью и обществом, культурного воспитания масс, но и средством взаимосвязей и коммуникации между всеми областями социалистического строительства. С 1927 г. стала выходить небольшим тиражом (1700 экз.) областная национальная газета «Хызыл аал» («Красная деревня»), основной задачей которой являлась пропаганда новой письменности и приобщение людей к чтению на родном языке. В связи с переходом на новотюркский алфавит хакасы старались выписывать русские газеты, «которые они лучше читают» [11, с. 192].

В целом культурная политика первой трети XX века в Хакасии сыграли важную роль просвещения

масс и формирования новых средств культуры. С одной стороны, за беспрецедентно короткий исторический период была достигнута всеобщая грамотность, появился литературный язык, получила развитие хакасская литература и средства массовой информации. С другой стороны, активизация процессов социального взаимодействия, усложнение социальной жизнедеятельности, расширение контактов с иной культурой ускорило неизбежный процесс размывания повседневной традиционной культуры хакасского народа [14]. Некоторые отечественные исследователи считают, что эти процессы сопровождались деформацией духовной сферы хакасского общества [17, с. 86], подавлением этничности. Важно отметить, что одновременность событий или процессов не является основанием считать их взаимообусловленными.

Трансформация социальных условий жизнедеятельности неизбежно создает условия изменения менталитета народа. Сама культура является открытой системой, подвергающейся изменениям в процессе развития, в том числе утрачивая неизбежно отдельные элементы своей составляющей. В качестве примера можно привести исчезновение из памяти хакасского народа смыслового наполнения орнаментов на одежде задолго до начала культурной модернизации 1920-х гг. Это естественный процесс трансформации культуры, который развивается в любых условиях, но с различной степенью интенсивности. Сложность ситуации в том, что при ускорении этого процесса изменения происходят на протяжении активного периода жизни одного поколения, что и вызывает восприятие ситуации как кризисной.

Литература

1. Культура: онлайн школа Фоксфорд [Электронный ресурс]. URL: <https://foxford.ru/wiki/obschestvoznanie/kultura-ii-ee-formy> (дата обращения: 14.12.2022).
2. Понятие культуры: виды и формы культуры [Электронный ресурс]. URL: <https://skysmart.ru/articles/obschestvoznanie/vidy-i-formy-kultury?ysclid=lbjnp09hd415023541> (дата обращения: 12.12.2022).
3. Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири 18 в. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 94 с. (Архивная копия от 27 янв. 2018 на Wayback Machine).
4. Потапов Л.П. Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни // Сборник музея антропологии и этнографии. М.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. XII. С. 43-70.
5. Vandehey Emma L. The Current Language Crisis in Siberia / University Honors Theses, 2021. 1135 p. URL: <https://doi.org/10.15760/honors.1166> (дата обращения: 14.12.2022).
6. Zamyatin Konstantin. Indigenous Peoples and Education in the Russian Federation. State of the World's Indigenous Peoples, The United Nations, 2017. P. 185-206.
7. Хакасский уезд. Красноярск, 1923. Вып. 2. С. 21.
8. Папина О.В. Развитие системы культурно-просветительских учреждений в Хакасии в 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (53). С. 138-140.
9. Чирков М.С. К вопросу об особенностях национально-языковой политики в СССР // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2019. № 24. С. 124-126.
10. Орешкова Ю.А. Становление хакасской письменности в 1920-1930-е гг. как важный этап истории развития языка (по документам национального архива Республики Хакасия) // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: материалы VII Междунар. науч. конф. (23- 24 сент. 2020 г.). Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2020. 284 с.
11. Межэтнические связи Приенисейского региона 1917-1921 гг.: сб. документов. Красноярск, 2007. Ч. II. 384 с.
12. Народное образование в Хакасии (1831-2008 гг.): сб. архивных документов. Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В.М. Торосова, 2020. 252 с.
13. Иванов П.Г. Сибирские турки и их наречия. Томск, 1927. 38 с.
14. Тюрбостаев К.М. Культурное строительство 20-30-х годов XX века // Энциклопедия Республики Хака-

- сия: в 2-х т. / гл. ред. В.А. Кузьмин. Красноярск: Поликор, 2007. Т. 1. 432 с. URL: <https://sites.google.com/site/cultkhakasia/7-kultura-hakasia/> (дата обращения: 14.12.2022).
15. Тугужекова В.Н., Мамышева Е.П. Национально-языковая политика Советского государства в 1920-1930-е гг. в Ойротской и Хакасской автономных областях // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 64-67.
16. Мамышева Е.П. Исторический опыт национально - государственного строительства в Южной Сибири в 1917-1941 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2017. 35 с.
17. Кустова Ю.Г. Трансформация традиционной культуры хакасов в 20-30-е годы XX века // UNIVERSUM: Вестн. Герценовского ун-та. 2013. № 3. С. 82-90.
18. Rindzeviciute Egle Constructing Soviet Cultural Policy Cybernetics and Governance in Lithuania after World War II Linköping Studies in Arts and Science № 437 Linköping 2008. 278 p. URL: https://monoskop.org/images/3/3e/Rindzeviciute_Egle_Constructing_Soviet_Cultural_Policy_Cybernetics_and_Governance_in_Lithuania_after_World_War_II.pdf (дата обращения: 14.12.2022).

УДК 94(571.54) "1917"

DOI: 10.18324/2224-1833-2022-4-108-114

Борьба за руководство бурятским национальным движением в 1917 году. Феномен «двоевластия»

В.В. Бабаков^a, И.Б. Батueva^b

Восточно-Сибирский государственный институт культуры,
ул. Терешковой 1, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

^ai.batueva@mail.ru, ^bviktor.babakov@mail.ru

Статья поступила 14.11.2022, принята 13.12.2022

В статье описывается начальный этап национально-государственного строительства бурятского народа в первые месяцы после Февральской революции в России. Рассматривается процесс создания двух общественно-политических руководящих центров национальным движением: Бурятско-Калмыцкого временного Организационного комитета в Петрограде, Бурятского национального комитета в Сибири. Анализируется соперничество между ними за лидерство и руководство национальным строительством. Подвергается разбору феномен фактически сложившегося с марта по июль 1917 года «двоевластия» в руководстве движением.

Ключевые слова: Февральская революция; Сибирь; Бурнацком; Бурятско-Калмыцкий временный Организационный комитет; национальное движение; буряты; национальная интеллигенция; чересполосица; земство.

The struggle for the leadership of the Buryat national movement in 1917. The phenomenon of "dual power"

V.V. Babakov^a, I.B. Batueva^b

East-Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia

^ai.batueva@mail.ru, ^bviktor.babakov@mail.ru

Received 14.11.2022, accepted 13.12. 2022

The article describes the initial stage of the national-state construction of the Buryat people in the first months after the February Revolution in Russia. The process of creating two socio-political leadership centers by the national movement is considered: the Buryat-Kalmyk Temporary Organizing Committee in Petrograd, the Buryat National Committee in Siberia. The rivalry between them for leadership and leadership of national construction is analyzed. The phenomenon of "dual power" in the leadership of the movement, which actually developed from March to July 1917, is analyzed.

Keywords: February Revolution; Siberia; Burnatskom; Buryat-Kalmyk Temporary Organizing Committee; national movement; Buryats; national intelligentsia; cherespositsa; zemstvo.